

DOI 10.35775/PSI.2025.121.9.018

УДК. 327.7

В.И. БУЛВА

кандидат исторических наук,

Министерство иностранных дел Российской Федерации,

Россия, г. Москва

E-mail: Va.i.bulva@my.mgimo.ru

«ПОВОРОТ НА ВОСТОК» В СЕТЕВОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ

Статья посвящена анализу перспектив использования различных инструментов сетевой дипломатии России на восточном направлении отечественной внешней политики. Актуальность исследования обусловлена рядом факторов, повлиявших на эволюцию механизмов дипломатического взаимодействия и систему международных отношений в целом. Во-первых, с учетом многообразия интересов и возможностей различных государств требуется модернизация инструментария современной дипломатии. Сетевые механизмы позволяют дополнить классическую дипломатию официального уровня применением инновационных форм сотрудничества с подключением многосторонних структур и неправительственных сторон. Во-вторых, политические, экономические и культурные особенности суверенных государств обуславливают необходимость развития открытых инклюзивных площадок, а не блоковых структур, существовавших в условиях холодной войны. Именно эти принципы заложены в основу функционирования гибких институтов сетевой дипломатии без жесткой иерархии. В-третьих, Российская Федерация заинтересована в создании дополнительных стимулов для укрепления отношений со странами незападного мира, которые также объединяют в группу государств мирового большинства, Глобального юга и развивающегося мира. На восточном направлении к таковым относятся страны Азии, Исламского мира и Африки. Для углубления контактов с ними Россией максимально широко используются разноразмерные сетевые механизмы – глобальный институт сетевой дипломатии БРИКС, региональные площадки (АСЕАН-центричные механизмы, Группа стратегического видения «Россия-Исламский мир», саммит и экономический и гуманитарный форум Россия-Африка). Новаторством сетевой дипломатии стала российская макрорегиональная инициатива «Большое Евразийское партнерство», направленная на интеграцию евразийского пространства. По результатам исследования автор приходит к выводу, что «поворот на Восток», характерный для современного этапа развития сетевой дипломатии России, тесно взаимосвязан с тенденцией российской внешней политики по содействию в укреплении основ многополярного миропорядка с опорой на поддержку стран вышеуказанных регионов.

Ключевые слова: сетевая дипломатия, БРИКС, мировое большинство, многополярный мир.

Введение. Сегодня как в научно-исследовательской литературе, так и на официальном уровне все чаще ведутся дискуссии о так называемом «повороте на Восток» в дипломатии России. В широком смысле такая постановка проблематики подразумевает смещение акцента в развитии международных связей со странами Запада на восточное направление отечественной внешней политики. Данная тенденция находит отражение и в эволюции сетевой дипломатии Российской Федерации. Однако до того, как предметно подойти к рассмотрению данного вопроса, представляется целесообразным остановиться на двух ключевых аспектах, связанных с понятийным определением поля исследования:

Что такое «Восток» в современных международных отношениях и дипломатии России?

Какой смысл включает в себя сетевая дипломатия как инструмент реализации внешней политики государства?

Отвечая на первый вопрос, отметим, что на текущий момент нет устоявшегося общепринятого понимания относительно «восточного вектора» внешней политики России. Как правило, речь идет о странах незападного мира, т.е. не относящихся к региону Евро-Атлантики. Как отмечает А.В. Яковенко, эти страны, представляющие регионы Азии, Африки и Латинской Америки, объединяет понятие «Глобальный юг». Эти же государства – участники Движения неприсоединения – составляют костяк «мирового большинства», которое в российском политическом дискурсе рассматривается как основа формирующегося многополярного мира [29].

Среди зарубежных исследователей «Глобальному югу» уделяли внимание Дадос и Коннел, которые относили к этой категории государства Латинской Америки, Азии, Африки и Океании, но подчеркивали, что отсутствует четкая категоризация данных стран [5. С. 12-13]. Ченой, в свою очередь, писал, что главными факторами отнесения того или иного государства к «Глобальному югу» выступают их социально-экономические и политические особенности, а не географическая принадлежность [27].

Еще в годы холодной войны в советской внешней политике особым образом выстраивались отношения с вышеупомянутыми регионами. В ту эпоху распространение получило понятие «страны третьего мира», а позже – «развивающиеся страны». Первое понятие позволяло подчеркнуть особый политический статус этих государств, а именно то, что они не принадлежали ни к одному из двух существующих противоборствующих военно-политических блоков (НАТО и ОВД). На этой основе и зарождалось Движение неприсоединения, лейтмотивом которого была приверженность нейтральной внешней политике, отказе от блокового подхода. Второй термин (использующийся по сей день) отражал особенность догоняющей модели экономического развития этих государств [2]. Позже появляется новое понятие – «Глобальный юг» как альтернатива «третьему миру» [15] или совокупность стран, выступающих за снижение неравенства «Глобального севера», объединяющего бывшие метрополии [3. С. 563].

Выстраивание Советским союзом отношений со странами третьего мира проходило в условиях их деколонизации. Отличительная черта советского внешнеполитического курса на данном направлении заключалась в том, что бывшие колонии и зависимые территории рассматривались в качестве объектов влияния, но при этом делался акцент на важность уважения их статуса суверенных государств. Такой подход перекликается с современной внешнеполитической стратегией России, которая в противовес неоколониальным практикам в отношении «сателлитов» со стороны стран коллективного Запада продвигает модель равноправного сотрудничества с независимыми странами Глобального юга. Это помогло сплотить мировое сообщество вокруг идеи многополярного мира, и отсюда становится ясным, почему эти страны составляют основу такого миропорядка.

Доктринальное закрепление понятия «восточного вектора» внешней политики России не завершено. При анализе Концепции внешней политики Российской Федерации от 2023 г. можно сделать вывод о том, что в иерархии региональных приоритетов повышается значение евроазиатского направления, Исламского мира, африканского и латиноамериканского континентов. Это закладывает почву для противопоставления западно-центричной модели, доминировавшей в 1990-е гг. и современной «незападной модели» развития отечественной дипломатии. В настоящем исследовании при изучении «восточного вектора» сетевой дипломатии фокус внимания будет сосредоточен на таких регионах, как Азия, Исламский мир и Африка. Отдельно будут рассмотрены сетевые институты (БРИКС).

Вторая часть исследования (**статья «Региональные и макрорегиональные сетевые форматы сотрудничества России и государств мирового большинства»**) будет посвящена анализу региональных площадок и макрорегиональных инициатив российской сетевой дипломатии (инициативе «Большого евразийского партнерства») как системообразующим элементам отечественной внешней политике в Евразии.

Сетевая дипломатия России: восточный вектор. Учитывая специфику политических и экономических систем государств Глобального юга, большая часть из которых (представляющих Азию, Исламский мир и Африку), сравнительно небольшой по сравнению с европейскими странами опыт дипломатического взаимодействия с ними, требуется выработка особого подхода к развитию «восточного вектора» российской дипломатии. Так, в дополнение к официальной дипломатии высшего и высокого уровней востребованными оказываются более мягкие инструменты международного сотрудничества с внешними партнерами, причем не только с государствами, но и с многосторонними объединениями, а также другими заинтересованными сторонами из неправительственного сектора.

В этой связи, возрастает актуальность использования потенциала сетевой дипломатии, которая, в отличие от классической дипломатии, опирается на инструменты гибкого сотрудничества. Эта гибкость проявляется в отсутствии

жесткой иерархии, бюрократической структуры, Устава, как у международных организаций [14]. Кроме того, само понятие «сетевое» предполагает многовариативное разноуровневое взаимодействие, носящее горизонтальный характер [31]. Оно сочетает политический трек (участие высшего руководства стран, профессиональных дипломатов) и неправительственные, полуформальные каналы общения (по линии бизнеса, гражданского общества, научного сообщества, бывших государственных деятелей и т.д.) [1. С. 120-123]. Это способствует повышению оперативности практической реализации договоренностей и соглашений, принятых на официальном уровне, тем самым обеспечивается связь между выстраиванием стратегических приоритетов и их предметной имплементацией.

В отношении «восточного вектора» дипломатии России инструменты сетевой дипломатии позволяют решить еще одну не менее важную задачу – наладить диалог с ключевыми интеграционными объединениями и региональными организациями, которые выступают драйверами развития регионов. В этой связи, отдельного внимания заслуживает рассмотрение таких площадок сетевого взаимодействия, как БРИКС, АСЕАНО-центричных механизмов (АРФ, ВАС), трехстороннего формата «Россия-Индия-Китай», саммита, а также экономического и гуманитарного форума Россия-Африка, Группы стратегического видения «Россия-Исламский мир». Сотрудничество в таких форматах позволяет Российской Федерации выстраивать взаимодействие с регионами как целостными подсистемами, без создания разделительных линий и противопоставления одних стран другим. Кроме того, увеличивается репрезентативность среди внешних партнеров восточного направления отечественной дипломатии.

БРИКС. На развитие сетевой дипломатии России на восточном направлении существенное влияние оказывает такой системообразующий тренд отечественной внешней политики, как укрепление связей с государствами мирового большинства, поддерживающими идею многополярного миропорядка. В этих целях Российской Федерацией предпринимаются усилия по созданию условий для равноправного, максимально инклюзивного сотрудничества суверенных государств при уважении их национальных политических и экономических особенностей, культурно-цивилизационной идентичности.

В данном контексте особенно выделяется форум БРИКС – институт сетевой дипломатии, объединяющий широкий круг государств – полноправных членов, а также внешних партнеров [26]. Уникальность площадки БРИКС в ее современном виде заключается в том, что в основе ее функционирования лежат взаимосвязанные принципы многоуровневости, широкопрофильности и полиформатности.

Многоуровневость предполагает сочетание, как и в рамках других механизмов сетевого взаимодействия, политических мероприятий различного уровня (саммитов, встреч министров иностранных дел, заседаний су-шерп, оперативных дипломатических контактов), полуформальных встреч с участием государственных деятелей и неправительственного сектора, а также контактов по линии других заинтересованных сторон (бизнеса, НПО, гражданского общества и научного сообщества).

Существенным преимуществом БРИКС выступает и ее широкопрофильность. Весомый вклад в практическое сотрудничество вносят узкопрофильные механизмы – Деловой совет, Совет экспертных центров, Молодежный совет, Женский деловой альянс, Сетевой университет БРИКС, контактные и рабочие группы по торгово-экономическим и гуманитарным вопросам, проблемам в сфере безопасности. Регулярно проходят многочисленные мероприятия неполитического характера, среди которых выделяется Молодежный саммит, Академический форум, Гражданский форум, Глобальный университетский саммит, Форум руководителей ведущих СМИ. Такая вариативность мероприятий «дипломатии второго трека» способствует популяризации объединения, укреплению его имиджа на международной арене.

Специфику БРИКС представляет и то, что данный форум может рассматриваться не просто как инструмент взаимодействия государств-членов, но и как кросс-региональный «агрегатор» внешних партнеров, причем не только государств, но и многосторонних структур (международных организаций, интеграционных объединений) [11. С. 127].

Начало становления «внешнего контура» дипломатии БРИКС приходится на 2011 г., когда на саммите в г. Санья была впервые озвучена эта идея [22]. Практическое воплощение эта инициатива нашла в запуске в 2013 г. формата «БРИКС-аутрич». Тогда к встрече на высшем уровне государств-членов присоединились представители Африканского союза и 8 ключевых интеграционных структур африканского региона. С тех пор государство-председатель БРИКС использует данный механизм для привлечения к участию в диалоге региональных партнеров, что позволяет ему укрепить свои позиции как значимого центра силы в соответствующем регионе.

Более широкий формат – «БРИКС-плюс», созданный по инициативе Китая в 2017 г. [24]. Он предполагает участие наряду с региональными партнерами, других заинтересованных государств и многосторонних объединений. Учреждение данного механизма привело к повышению заинтересованности к БРИКС со стороны мирового сообщества, о чем свидетельствует решение о присоединении новых членов, принятое на саммите в Йоханнесбурге в 2023 г. (Аргентины (1), Египта, Ирана, ОАЭ, Саудовской Аравии, Эфиопии) и стремление порядка 30 стран к получению членства в БРИКС.

Таким образом, благодаря росту популярности БРИКС сегодня объединение приобретает значение глобальной площадки для открытого сотрудничества государств. При этом отдельные мероприятия и диалоговые форматы способствуют укреплению «восточного вектора» российской сетевой дипломатии, поскольку создают дополнительные возможности для поддержания контактов и углубления взаимодействия со странами-единомышленниками России из стран евразийского континента, Азии, Исламского мира и Африки.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) После прихода к власти в Аргентине ноябре 2023 г. нового президента Хавьера Милея, глава государства исключил участие Аргентины в БРИКС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бурганова И.Н. Феномен сетевой дипломатии в системе международных отношений (на примере Российской Федерации) // МНИЖ. 2016. № 6-1 (48).
2. Глобальный юг и текущая геополитика. Евразийский исследовательский институт // <https://www.eurasian-research.org/publication/the-global-south-and-current-geopolitics/?lang=rue>.
3. Грей К., Гиллс Б.К. Сотрудничество Юг-Юг и подъем Глобального Юга // Third World Quarterly. 2016. № 37 (4).
4. Группа стратегического видения «Россия – Исламский мир»: официальный сайт // <https://russia-islworld.ru/o-gruppe/o-gruppe/>.
5. Дадос Н., Коннелл Р. Глобальный Юг // Contexts. 2012. № 11 (1).
6. Декларация второго саммита Россия – Африка о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве от 28.07.2023 // Официальный сайт Президента России // <http://kremlin.ru/supplement/5974>.
7. Декларация второго саммита Россия – Африка о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 28.07.2023 // Официальный сайт Президента России // <http://kremlin.ru/supplement/5975>.
8. Декларация второго саммита Россия – Африка об укреплении сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом от 28.07.2023 // Официальный сайт Президента России // <http://kremlin.ru/supplement/5973>.
9. Колдунова Е. «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 3 (50).
10. Кортунув А.В. Восемь принципов Большого евразийского партнерства // РСМД. 2020 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vosem-printsipov-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/>.
11. Кузнецов Д.А. Сетевая текстура мировой политики: трансрегионализм БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Том 64. № 11.
12. Лавров С. Россия и АСЕАН должны увеличить объем экономических связей // Радио «Голос России» // <http://rus.ruvr.ru/2011/07/22/53581974.html>.
13. Лавров С.В. Формат «Россия – Индия – Китай» содействует развитию многополярного миропорядка // ТАСС. 2021. Официальный сайт МИД России. 2003 // <https://tass.ru/politika/13030347>.
14. Лебедева О.В., Морозов В.М., Шебалина Е.О. Network Diplomacy: Theory // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 11 (85).

15. Малер Э.Г. «Глобальный Юг». Оксфордские библиографии по литературной и критической теории, изд. Юджин О'Брайен. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 2017.
16. Меморандум от 24 октября 2019 года о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Африканским союзом в области экономического сотрудничества // <https://www.alta.ru/tamdoc/19bn0117/>.
17. Мосяков Д.В. Россия и ВАС: трудный путь навстречу друг другу // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2016. № 31.
18. О российской инициативе Большого Евразийского партнерства // Официальный сайт МИД России // https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767070/.
19. Послание Президента Российской Федерации от 03.12.2015 «О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542>.
20. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 октября 2019 № 2486-р «О подписании Меморандума о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Африканским союзом об основах взаимоотношений и сотрудничестве» // <https://base.garant.ru/72904230/>.
21. Саммит Россия – Африка: официальный сайт // <https://summitafrica.ru/>.
22. Саньянская декларация БРИКС. Документы саммитов БРИКС. 2011 // <https://ocds-brics.org/sammit-i-dokumenty>.
23. Столков Д.С. Язык дипломатии многополярного мира. К выходу Концепции внешней политики 2023 г. // Обозреватель. 2023. № 5.
24. Сямэньская декларация БРИКС. Документы саммитов БРИКС. 2017 // <https://ocds-brics.org/sammit-i-dokumenty>.
25. Участие России в деятельности Регионального форума АСЕАН (АРФ) (справочная информация) // Официальный сайт МИД России. 2023 // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/regional-nyj-forum-asean-po-bezopasnosti-arf-/1741131/.
26. Филатов С.В. Сетевая дипломатия БРИКС // Международная жизнь. 2011. № 5 // <https://interaffairs.ru/jauthor/material/462>.
27. Ченой А.М. Утверждение Глобального Юга в геополитике. 2022 // <https://www.thehindu.com/opinion/op-ed/the-global-souths-assertion-in-geopolitics/article65928035.ece>.
28. Чжу Сюй. Треугольник «Россия – Индия – Китай» в концепции внешней политики Российской Федерации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 4 (77).
29. Яковенко А.В. Картина нарождающегося мира: Глобальный Юг // РСМД. 2024 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kartina-narozhdayushchegosya-mira-globalnyy-yug/>.

30. ASEAN Regional Forum: official website // <https://aseanregionalforum.asean.org/about-arf/>.
31. Slaughter Anne-Marie. The Chessboard and the Web: Strategies of Connection in a Networked World. New Haven: Yale University Press, 2017.

V.I. BULVA

Ph.D. (History), Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia

«TURN TO THE EAST» IN RUSSIA'S NETWORK DIPLOMACY

The article analyses the prospects for using various instruments of Russia's eastern network diplomacy. The relevance is due to factors influencing the diplomatic interaction and the system of international relations as a whole. Firstly, the diversity of interests and capabilities of States requires the modernization of diplomacy tools. Network mechanisms supplement classical diplomacy by innovative cooperation formats with the involvement of multilateral structures and non-governmental stakeholders. Secondly, the political, economic and cultural characteristics of States necessitate the development of open inclusive platforms rather than blocs typical for the Cold War. These principles form the basis for flexible network diplomacy institutions. Thirdly, the Russian Federation is interested in creating additional incentives for changing the non-Western world countries, which are also equated with «the global majority», «the Global South» and «the developing world». In the eastern direction, such countries encompass Asia, the Islamic world and Africa. To deepen contacts with them, Russia resort to multi-level institutional network mechanisms such as the global network diplomacy of BRICS, regional platforms (ASEAN mechanisms, the Russia-Islamic world strategic vision group, the Russia-Africa summit as well as the Russia-Africa economic and humanitarian forum). An innovation in network diplomacy represents the Russian macro-regional initiative «Greater Eurasian Partnership» aimed at integrating the Eurasian space. The author comes to the conclusion that the «turn to the East» is closely related to the tendency of Russian foreign policy to assist in strengthening the foundations of a multipolar world order based on the support of the above-mentioned regions.

Key words: network diplomacy, BRICS, Global majority, multipolar world.